

Часть 1

Сакута слышал шум волн. Он и Май вместе скатились по песчаному склону, а затем грохнулись с шумом и вздохами. Это был пляж в Шичиригахаме.

Сакута стоял там, окруженный знакомыми достопримечательностями — моложе, чем он был сейчас. В этой залитой волнами сцене не было ни одного цвета. Небо, море и горизонт были всех оттенков серого. Даже с затуманенным разумом Сакута сразу понял, что это, должно быть, сон. Мечта двухлетней давности, когда еще он учился в последнем классе средней школы. Мечта о том времени, когда его сердце разбилось вдребезги. И сон о том времени, когда он впервые встретил Сёко Макинохару.

— Ты знал?

И снова она внезапно оказалась рядом с ним, разговаривая так, словно хотела поделиться чем-то сокровенным и значимым.

Он стоял совсем близко, может быть, в трех метрах. Позади нее виднелась Эносима. Шичиригахама на самом деле была длиной в один ри*. Странно, что они ее называли «семь ри»*

[П\П: Ри – японская мера длины равная примерно 4 км. Шичиригахама с японского переводится как «семь ри».]

— Ну так что?

— Знал ли я, что у тебя всегда есть привычка перебивать людей, когда они думают, ты об этом Сёко?

— У меня вошло в привычку давать тебе советы, в которых ты нуждаешься, Сакута, — сказав это, она не двусмысленно улыбнулась. — Ах, дай угадаю, только что ты подумал: «Какая же она несносная!», не так ли?

— Безусловно.

— Но примерно два процента от тебя думали о том, как приятно, когда тебе помогает милая девушка постарше.

Она кивнула сама себе, как будто это было очевидно.

— Это еще более несосно, — прорычал Сакута, пристально глядя на океан.

— Ах! Тебя так легко смутить.

Его ворчание не произвело на нее никакого впечатления. Ее это нисколько не удивило. Она просто посмотрела на него, как мать на рассерженного малыша. Протестовать казалось пустой тратой времени.

— Снова думаешь о своей сестре?

И в тот момент, когда он ослабил бдительность, она тихо заговорила, переходя прямо к сути дела. При всей чуткости, которой ей, казалось бы, не хватало мгновением раньше.

— Я думал о тебе, Сёко.

— О, так ты думал о сексе. Да в тебе шалют гормоны! Ничего не поделать, на этот раз прощаю.

В этот момент Сакута вспомнил как он хотел, действительно хотел, чтобы она перестала умышленно неправильно истолковывать эти вещи. Или принимать шутки за чистую монету.

— Нет, — сказал он немного решительнее.

— Значит, все же это связано с твоей сестрой.

Это было правдой, но он не хотел этого признавать, поэтому вместо этого сказал:

— Мне все еще интересно, почему ты мне поверила?

Он задавался этим вопросом с тех пор, как они впервые встретились.

— Мм?

— Никто другой вообще не стал бы слушать. Ни о порезах и синяках Каэдэ, ни о Подростковом синдроме.

Издевательства разъедали сердце Каэдэ. В конце концов это переросло в полномасштабный подростковый синдром, и боль в ее сердце превратилась в порезы и синяки на теле.

«Ты отстой» — сообщение в Интернете, из-за которого ее рука превратилась в страшное месиво, как будто в нее вонзился нож.

«Умри, ничтожество (лол)» — сообщение, которое, оставило огромный синяк на ее бедре.

Как бы терпеливо он ни объяснял, ему никто не верил. Его мать видела это своими глазами, но не могла принять правду, дистанцируясь вместо этого от Каэдэ. Врачи, которые ее осматривали, были убеждены, что это самоистязание, и не хотели слышать ни слова о подростковом синдроме. Они утверждали, что слова Сакуты ничто иное как детский лепет. Чем больше он объяснял, тем больше впадал в отчаяние и тем враждебнее становились все, к кому он прибегал за помощью.

Все думали только об одном. Они все думали, что Сакута просто всех обманывает. Сколько бы он ни умолял о помощи, все, что он получал взамен, было презрение. Как бы громко он ни кричал: «Это правда!» — никто не слышал. И это создало порочный круг. Даже его самые близкие начали хоронить их дружбу, один за другим. Не успел он опомниться, как оказался совсем один.

Азусагава потерял самообладание.

Как только кто-то опубликовал информацию о его «бреде» в Интернет, слухи распространились как лесной пожар, и все в классе начали избегать его. Никто в школе, даже учителя, не хотели иметь с ним ничего общего. Никто не пытался выяснить, что происходит на самом деле. Никто из его друзей не спросил, что случилось. Каждый предпочел поверить лжи, потому что все сказали, что это правда.

Оглядываясь назад, он все понимал. Идти вместе с толпой и придерживаться с общественного мнения было важно. Это было то, чему их научили в школе. Даже если вы были уверены в своей уникальности, обладали талантом, вас учили, что разумно скрывать эти чувства и не выделяться. Так что для большинства студентов то, что другие говорили о Сакуте, было правдивее, чем все, что говорил сам Сакута. В конце концов, все так сказали. Общественное мнение имело гораздо больший вес, чем истина в этом вопросе. Для одноклассников, которые плохо знали Сакуту, это было все, что нужно знать о нем в принципе. Просто и ясно.

Но в результате у всех сложилось негативное представление о нем, и он оказался лицом к лицу с тем, что казалось чудовищем. Никакая борьба не привела бы его к победе над ним. У этого монстра не было осязаемой формы, так что у Сакуты не было возможности причинить ему вред. Вскоре он понял, что бороться бесполезно. И когда он понял это, что-то внутри него оборвалось. Он чувствовал, как это происходит. Азусагава был прав, он знал, что был прав, но они сделали его «неправым». Мир был просто несправедлив. Это было так тупо и запутанно, что он просто начал смеяться. Глухой, пустой смех.

И все краски исчезли из его мира. Мир стал серым местом.

— Миров столько же, сколько и людей, — сказала Сёко, глядя на горизонт. — Точно так же, как горизонт, на который я смотрю, ближе, чем тот, который видишь ты.

Она немного присела так, чтобы смотреть ему в лицо снизу вверх. Как будто она подчеркивала, что его преимущество в росте позволяло ему видеть дальше, чем она могла.

— И этот морской бриз! — воскликнула Сёко, выпрямляясь и раскидывая руки, как будто пытаясь обнять ветер.

Ее волосы развевались за спиной.

— Некоторые люди подумают, что это приятно, а другие возненавидят это за то, что их кожа и волосы становятся от него липкими.

Сёко явно была из первых. Она закрыла глаза и, казалось, наслаждаясь этим ощущением.

— Я хочу сказать, что...

— У всех разное представление о справедливости? Я знаю это.

Он был немного резок, но Сёко звонко рассмеялась.

— Боже, как будто говорю с подростком. Разве так просто произносить слово «справедливость» не неловко?

— Тогда что ты имела в виду?

— Ты мучаешься из-за монстра, которого не можешь победить. Но я говорю, что это означает, что у тебя есть потенциал.

— Мило так покровительствовать с твоей стороны.

— Я старше тебя. У меня есть на это право.

Она бросила на него торжествующий взгляд и выпятила грудь.

— ...

— Ах! Ты просто подумал: «Ты старше? С такими маленькими сиськами?», не так ли?

— Нет. И насчет «мучительного» я тоже не знаю. Я просто знаю, что жизнь лишена мечтаний или надежд, и я чувствую себя дерьмово из-за этого. Оставь меня в покое.

— Никогда! — сказала она.

Но ее тон был мягким, так что в нем не чувствовалось агрессии.

— Хм?

— Я не собираюсь оставлять тебя одного.

Их глаза встретились. Она была серьезна, но в ней чувствовалось и некое озорство — таково ее выражение великой доброты.

Это лишило его дара речи.

— Мы встретились не просто так. У тебя может не быть ни мечты, ни надежды, но я прожила немного дольше, чем ты, и у меня есть несколько великолепных советов, о которых я могу тебе поведать.

Ее голос звучал все более театрально.

— Кто-нибудь уже воспользовался твоими великолепными советами?

Сёко проигнорировала это, повернувшись обратно к океану. Выражение ее лица было таким прекрасным. Он обнаружил, что тоже смотрит на океан. Горизонт немного дальше, чем тот, который она видела. Было ли там что-то?

— В моей жизни тоже было не так уж много мечтаний или надежд, — сказала она.

Что это значило? Он не мог заставить себя спросить. Сёко повернулась к нему, их глаза снова встретились — и она покачала головой.

— Но я нашла смысл в своей жизни.

— ...

— Видишь ли, Сакута. Я думаю, что жизнь делает нас добрее.

— ...И в этом весь смысл?

— Я прошла многое, чтобы стать такой доброй, как сейчас.

— ...

— Каждый день я стараюсь становиться хоть немного лучше.

— ...

Он не знал почему. Он не знал, но ее слова глубоко проникли в него, согревая изнутри. Это чувство окутало его, как одеяло, согретое солнечным светом. Сакута почувствовал жгучий жар в задней части носа, устремляющийся вверх со значительной силой. У него не было возможности остановить это. Слезные дамбы тут же лопнули, и он заплакал. Слезы падали, как дождь, на песок у его ног, словно теплый летний ливень.

В его сером мире появился лучик света. Сакута поднял глаза, привлеченный этим зрелищем. Цвет возвращался в его мир, сосредоточенный вокруг Сёко. Глубокая синева океана, бледно-голубое небо — все цвета возвращались.

Он стиснул зубы, даже не пытаясь вытереть слезы.

— Сёко, — сказал он.

— Что? — спросила она с улыбкой.

— Я надеюсь, что смогу жить так же, как ты. — Сёко выглядела довольной.

— Ты сможешь.

Она приняла его чувства, а ее улыбка растянулась до ушей.

— Ты знаешь, каково страдать от непонимания, Сакута. Это сделает тебя лучше, чем кто-либо другой. Ты скоро найдешь кого-нибудь, кто поможет тебе.

От слез его зрение затуманилось. Он не мог до конца разглядеть выражение ее лица. Но это была Сёко, поэтому он был уверен, что ее улыбка была такой же яркой, как солнце над головой. Он никогда в этом не сомневался.

Это был последний раз, когда они разговаривали.

Когда Азусагава проснулся, его ресницы слиплись. Он плакал во сне. Сакута попытался протянуть руку и вытереть высохшие слезы, но его рука не двигалась с места. Он был слишком тяжелым — нет, на нем был какой-то груз. Кто-то лежал на нем сверху. Он посмотрел вниз. Как и предполагалось, его сестра мирно и тихо спала.

— Эй, Каэдэ, — позвал он.

Нет ответа. Только звук ее дыхания.

— Эй! — снова сказал он.

— Амберджек* получился немного суховат, — сказала она.

[П\П: Амберджек - тихоокеанская огромная рыба.]

Ужасно специфичная тема для разговоров во сне. Однако ему придется попросить у Май несколько советов, чтобы он мог сделать это блюдо лучше.

— Давай, Каэдэ. Просыпайся

— Нежный...

— Ты все продолжаешь?

Он не стал добиваться от нее действий и с силой выдернул руку из-под нее, а затем потряс Каэдэ за плечо.

— Мм? Хм...

Когда она что-то проворчала, ее глаза распахнулись.

— Доброе утро, Каэдэ.

— Доброе утро, — сказала она и зевнула.

— Не могла бы ты встать? Ты тяжелая.

— Я?! Но я твоя младшая сестра!

— Это не имеет никакого отношения к твоему весу.

— А как же эмоциональная поддержка от старшего братика его маленькой сестренке? Я так хочу быть твоим щеночком, о котором бы ты всегда заботился!

— Как тебе будет угодно, но с точки зрения размера ты уже потерпела неудачу.

Каэдэ определенно выросла. По последним меркам, она стала еще на полдюйма выше, и теперь в ней было чуть больше пяти футов четырех дюймов*. Не совсем щенячий размер. Больше похоже на милую крупную собаку.

[П\П: Рост Каэдэ 163 см.]

— Какое шокирующее открытие...

— Кроме того, этой цели не было в твоей записной книжке.

— Потому, что это идеал младшей сестры, к которому я тайно стремлюсь.

— Я понимаю, но что за стыд.

— Да, это действительно так. Мне придется использовать эту неудачу в качестве трамплина, чтобы замотивировать себя выйти на улицу.

Скромное, оптимистичное заявление, как у молодого спортсмена, у которого брали интервью после поражения. Он хотел поддержать ее, но сначала ему нужно было оценить ее физическое состояние. Он положил руку ей на лоб.

— ...

Температура все еще не спадала. Мгновение назад она лежала на нем, так что у него уже были некоторые подозрения. Вероятно, было бы лучше отложить выход на улицу на другой день.

— Только когда у тебя спадет температура и ты почувствуешь себя лучше, — сказал он.

— Ладно. Известный человек по телевизору сказал, что если у вас есть здоровье, вы можете делать все, что угодно!

— Знаменитые люди иногда говорят хорошие вещи.

— Я так и думала!

— Но сегодня отдохни немного.

— Хорошо! Я отдохну, чтобы завтра постараться по-настоящему!

Она сказала "завтра", но на следующий день, в среду, температура у Каздэ все еще была высокой. Термометр показывал 39 градусов. Легкая лихорадка, хотя, болезнь все равно заставит вас чувствовать себя довольно измотанным. Кроме температуры у нее не было других заметных симптомов, так что она, вероятно, не была больна, но ее температура не спадала, даже когда он проверил ее в четверг утром, и снова в пятницу утром. Неприятная ситуация, поскольку, скорее всего, причиной была психологическая нестабильность, прием жаропонижающих средств не сильно помогал. Они действительно могли временно понизить ее температуру, но в тот момент, когда действие лекарства закончилось, она снова зависала на отметке 37,2.

Каждый раз, когда он проверял показания цифрового термометра, Каздэ выглядела расстроено. Она чувствовала легкую усталость, но у нее не было никаких проблем с активностью, поэтому для нее лежание в кровати превратилось в глупое страдание. Чтобы поддержать ее позитивный настрой, Сакута предложил:

— Может быть, придумаешь какие-нибудь стратегии, которые можно будет использовать, как только у тебя спадет температура.

— Стратегии?

— Или даже просто отрепетируй в голове.

— Это звучит круто! Прямо как настоящий профессионал!

— Все лучшие игроки делают это перед большими матчами.

— Я хочу быть лучшим игроком!

— Тогда тебе придется представить себя выходящей на улицу.

— Сначала я открою дверь!

— Без обуви?

— Сначала я обуюсь!

— Может быть, тебе для начала стоит переодеться.

Каздэ обычно ходила по дому в пижаме с пандой.

— Во-первых, я хочу переодеться в самый симпатичный наряд, который у меня есть.

— Жизненно важно одеться по последней моде.

— Очень.

— Самое главное в этом деле представить наилучший исход битвы, Каэдэ.

— Я так и сделаю!

Они еще долго обсуждали этот план действий. После разговоров с братом у Каэдэ, казалось, даже поднялось настроение. Сакута не обнаружил ничего, о чем бы нужно было позаботиться. А это означало, что он понятия не имел, как помочь. Лихорадка была вызвана чем-то внутри нее, чего Сакута не мог видеть. Все, что он мог сделать, это подбодрить ее. Но сказать ей, чтобы она старалась усерднее, означало бы просто не сделать ничего, ведь это вопрос лишь силы воли. Возможно, другие взрослые посмотрели бы со стороны и сказали бы, что она прилагает недостаточно усилий. Многие старомодные учителя говорили то же самое, когда над ней издевались. Как будто они так и остались в эпохе Сёва*, давая советы ученице, родившейся в Хэйсэй*.

[П\П: Сёва («Просвещение мира») — период в истории Японии с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года. Хэйсэй — период в истории Японии с 8 января 1989 года по 30 апреля 2019 года.]

Оставался вопрос, что ему делать? Не имея эффективного лекарства, все, что он мог сделать, это терпеливо ждать.

В пятницу, 17 октября, после школы Сакута отработал свою смену в ресторане со всем энтузиазмом, которого заслуживала его зарплата. Он обслужил на кассе двух студентов и пробормотал себе под нос:

— Что теперь?

Высказывание своей неуверенности таким образом было мелочью, но это помогло снять нарастающее внутри напряжение. Было уже за восемь, и число посетителей стремительно сокращалось. Все больше и больше мест пустело.

Скорее всего, они уже преодолели пик обеденной посещаемости. Сакута отошел от кассы, забрал с пустого столика посуду и отнес ее в подсобку. Он поставил блюдо со стейком для гамбургера и тарелки с рисом рядом с раковинами.

— Еще работы для тебя, — сказал он.

Студент колледжа, моющий посуду, ответил:

— Понял.

Тем временем Сакута вернулся обратно в зал и сразу же услышал драматический вздох.

— Эх, ну не знаю...

Это исходило от миниатюрной девушки. Это был тяжелый вздох.

— Что?! Семпай?!

Томоэ Кога от неожиданности отскочила на целый шаг назад. Она была младше его и в школе, и здесь. Очень модная, современная школьница, она носила каре и каждое утро просыпалась в шесть, чтобы идеально уложить волосы. Сегодня ее прическа, как и обычно, выглядела великолепно.

— Беспокоишься, потому что твоя задница снова стала больше? — сказал он.

Ее руки сомкнулись за спиной. Она пристально посмотрела на него.

— Я... она не стала больше, и почему снова так говоришь?

— Тогда волнуешься из-за тестов на следующей неделе?

— Ну, почти, но...

— Но что?

— Культурный фестиваль, — пробормотала она, нахмурившись.

— И что с ним?

— Он будет в следующем месяце!

— Где?

— В нашей школе!

— Ха.

— Ты что, совсем спятил, семпай? Это, типа, важнейшее событие в жизни любого старшеклассника!

Она казалась столь же озадаченной, сколь и удивленной. Как будто для нее было сверхстранным, что ему все равно.

— Культурные фестивали — это то, из-за чего небольшой процент детишек в толпе очень волнуется, эта эйфория... они разбиваются на пары и вместе создают несколько драгоценных воспоминаний. Не мой вариант.

Если подумать, то, когда начался второй семестр, было несколько предположений о том, что будет делать их класс. Он был почти уверен, что подружка Юмы, Саки Камисато, уже взяла под контроль данное мероприятие. Сакута в основном спал на уроках, так что он действительно не помнил деталей. К тому же большую часть прошлого месяца он провел, переживая из-за подросткового синдрома, свалившегося на Май и Нодоку, поэтому у него определенно не было возможности заботиться о том, что его класс готовил к культурному фестивалю, даже если бы он захотел.

— Не стагнация, а стабильность, семпай, — сказала Томоэ.

Это прозвучало как похвала, но ее глаза были полны разочарования. Он обиделся на это.

— Это действительно впечатляет, — добавила она.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты встречаешься с Сакурадзимой, что должно было мгновенно поставить тебя в круг лидеров мнения, но почему-то ты все еще не можешь вписаться никуда, как обычно.

— И, как обычно, ты глупо беспокоишься о том, что делать на культурном фестивале или кто в какую смену пойдет, верно?

— О, наш класс уже определился! Правда мы еще немного спорим насчет ...

Он не ставил своей целью задеть напарницу, но, похоже, попал в самую точку. Томоэ бросила на него злобный взгляд, надув щеки. Должно быть, она подумала, что он смеется над ней. Вероятно, она просто ошибалась.

— Так чем же занимается ваш класс?

— Дом с привидениями

— Пфф, с таким милым личиком?

— Боже, ты иногда такой несносный. Мое лицо не имеет к этому никакого отношения! И я даже не милая!

— Я думаю, что это очень важно. Ты, одетая как призрак, никогда не сможешь никого напугать.

Если бы она попыталась нарядиться некоматой, она бы просто выглядела так, как будто делала какой-нибудь милый косплей девушки-кошки.

[П\П: Некомато – существо японской мифологии, двуххвостый кот-ёкай, ест людей.]

— Т-тогда приходи проверить! Я обещаю, что заставлю тебя закричать

— Не дожدهйся. Никогда не увлекался классическим хоррором. Эта чушь меня просто не пугает. Например, смотри, прямо сейчас за тобой стоит призрак длинноволосой девушки.

Он указал через плечо Томозэ, затем улыбнулся, наклонил голову и помахал рукой.

— И-иип! — Томозэ взвизгнула и подпрыгнула от страха.

— Я шучу, эм... ты чего?

Должно быть, он здорово напугал ее, потому что Томозэ упала на спину рядом с кассой. И она кричала так громко, что все посетители повернулись, чтобы посмотреть, что случилось.

— П-прости, — сказала она, поднимаясь на ноги.

Затем она обвиняюще посмотрела на него заплаканными глазами.

— А ты вообще способна работать в доме с привидениями?

— Немного поздно спрашивать об этом! — взвыла она.

— Э-э-э, и правда. Я думаю, что ты справишься.

Она была так взволнована, что снова перешла на свой родной диалект, и он едва понял что-то из ее слов.

— Теперь я понимаю почему ты была так подавлена

— Меня беспокоят не призраки. Ты сам это сказал.

— Мм? Что я такого сказал?

— Мы по очереди становимся призраками, но выяснение графика смен заставляет всех нервничать.

Предсказуемая и весьма типичная ситуация.

— Разве вы не можете просто разделить, чтобы каждый работал со своими друзьями?

Разделение на команды может быть не равным по количеству, но так будет значительно проще.

— Да, но как только ты начинаешь объединять группы девушек и парней, все летит к чертям.

— Похоже, активные люди должны просто держаться вместе, чтобы все уладить быстро. Как я и сказал.

Классы, как правило, формировались естественным образом, без инициативных групп. Такая иерархия была обязательной, и ни студенты высшего, ни младшего звена не могли ее игнорировать. Попробуй пойти против течения, и люди будут спрашивать: «В чем твоя проблема?» — и тогда ты станешь изгоем.

По мнению Сакуты, люди, которые спрашивали: «В чем твоя проблема?», сами имели достаточно проблем, чтобы позволять себе смотреть свысока на всех, кто хоть немного отличался.

В любом случае, когда именно Япония вернулась к феодализму? Сакута был гражданином этой страны и чувствовал, что его должны были проинформировать об этом.

— Если бы это было так просто, я бы не жаловалась. Но каким-то образом мы закончили тем, что тянули жребий...

Томоэ внезапно стала смущаться. Это казалось явным признаком чувства вины. Сакута сразу понял, кто предложил этот план...

— Значит, твоя группа оказалась в паре с горячими парнями?

— Ура...

— И теперь горячие девчонки злятся на тебя?

Томоз сдалась и призналась:

— ...Д-да.

— У тебя всегда самые типичные проблемы старшеклассницы, Кога.

— Может потому, что я старшеклассница.

В случае с Томоз все было еще сложнее, потому что изначально она была частью популярной женской группы. Но ей пришлось уйти после ссоры.

После короткого периода изоляции она оказалась в своей нынешней группе друзей. Так что все это было действительно прискорбно.

— Если бы парни тоже жаловались, но нет, их все устраивает.

— Это значит, что они все считают, что «Кога довольно милая, так что неважно», я так понимаю?

— ...

Томоз покраснела. Наполовину униженная, наполовину смущенная. Казалось, она прекрасно понимала это. Она всегда умела читать людей. Может быть, тупые чуваки были слишком счастливы, когда жребий был брошен. И не обращая внимания на то, насколько пугающей может быть реакция женской группы.

— Я впечатлен, Кога.

— В этом нет ничего впечатляющего.

— Ты превратилась в исчадь ада.

Она была миниатюрным дьяволом, что полностью соответствует этому прозвищу.

— Почему ты не понимаешь, насколько это огромная проблема! Ты такой придурок. Ужас.

Надутая Томоэ повернулась к нему спиной. Это заставило ее посмотреть на столик напротив. Его занимала группа из четырех мальчиков младших классов средней школы. Все они пялились в свои телефоны или портативные игровые консоли, болтая во время игры. Раздался взрыв смеха. Они говорили о РПГ, которой увлекались. Уровни, улучшения оружия, насколько несправедливым был последний босс... звучало забавно.

— Ах, я бы хотела, чтобы жизнь была такой же легкой, как игры, — сказала Томоэ.

— Ты играешь в игры, Кога?

Она была не похожа на человека, который увлекался бы играми. Или, может быть, она была из тех, кто безнадежно плохо в них разбирался.

— Только на телефоне. Бабушке они нравятся, так что я составляю ей компанию.

— Ха.

— Семпай, снова это твое выражение «Перестань так отчаянно пытаться вписаться, тебе это даже не нравится».

— Мне просто интересно, пытаешься ли ты активно понравиться парням таким способом.

— Хм? В игры играют только ради этого?

— Да, это дает им повод начать с тобой общаться.

— ...

Эта мысль заставила Томоэ замолчать. Подобные мысли, должно быть, действительно промелькнули в ее голове ранее.

— Я понимаю, о чем ты.

Парни все еще возбужденно переговаривались.

— Сражаясь с монстрами, ты получишь опыт. Затем повысишь уровень, освоишь некоторые навыки, получишь заклинания получше, попробуешь еще раз, если умрешь, и в конце уничтожишь Повелителя Демонов до полусмерти, и бац, ты герой, спасший мир.

— Я не настолько цинична, — сказала Томоэ.

Он проигнорировал ее.

— Но жизнь не так проста.

Противником Томоэ было настроение в классе. У Каэдэ были свои собственные переживания. Ни один из Повелителей Демонов не был виден невооруженным глазом. В ее распоряжении не было совершенного оружия или заклинаний. И хорошее старомодное избиение не решило бы ее проблем. И хуже всего то, что эти Повелители Демонов были созданы другими людьми. Бессознательный побочный продукт менталитета толпы.

Сакута был почти уверен, что играл в игры, где страхи людей давали сил Повелителю демонов, и это было уже больше похоже на реальный мир. Повелители демонов были созданы и поддерживаются человеческим разумом.

— ...

— Тебя что-то беспокоит, семпай? — спросила Томоэ.

На самом деле это был не вопрос. Она извлекла правду из его молчания.

— Не-а... Мне просто интересно, когда снова фестиваль культуры?

— Ты совершенно не умеешь врать.

Она, очевидно, на это не купилась. Но она и не пыталась вытянуть из него правду. Уважая его чувства по этому поводу.

— Культурный фестиваль пройдет 3-го ноября, — сказала она, послушно отвечая на его фальшивый вопрос.

Такой хороший кохай. Парням она нравилась не просто так.

— Ты уже знаешь, в какое время ты будешь работать?

— Нет.

Она посмотрела на него, как будто удивляясь, почему он спрашивает.

— Дай мне знать, когда узнаешь свои смены.

— Ты собираешься наведаться? — Она, казалось, была настроена скептически.

— Ты хочешь попытаться заставить меня кричать, верно?

— О, это определенно произойдет.

Кога снова дерзко улыбнулась в ответ. И как только она это сделала, зазвонил колокольчик на двери. Новые клиенты. Томоэ подошла, чтобы проводить их.

— Добро пожаловать! — крикнула она.

От ее прежней мрачности не осталось и следа. Довольный этим, Сакута сам вернулся к работе.

Сакута отработал остаток своей смены и вышел ровно в девять. Его карточка появилась из автомата с отметкой 21:00.

— Настало время убираться отсюда.

Он быстро передел униформу официанта и направился домой, где его ожидала Каэдэ. Ресторан располагался прямо за вокзалом Фудзисава, а их заведение находилось примерно в десяти минутах ходьбы. Добравшись до своего дома, перед тем как забежать в лифт он решил проверить почтовый ящик. Какая-то часть его все еще испытывала любопытство, отправит ли Сёко еще какое-нибудь напоминание о себе. Однако он снова был пуст. Просто рекламный лист от пиццерии.

— Ну что ж, если это произойдет, то произойдет.

Нет смысла ждать чего-то, без причины верить, что это произойдет. Надежда в этом деле ничего не решит. Это было то, ради чего стоило стараться, а не просто верить и ждать. Ожидание просто измотало бы его. Он должен был выбросить это из головы до тех пор, пока что-то действительно не произойдет.

Сказав себе это, Сакута вошел в лифт. Он поднялся на свой этаж и открыл дверь своей квартиры.

— Добро пожаловать домой!

Он был удивлен увидеть Каэдэ, прячущейся у входной двери.

— Э-э, конечно, я вернулся...

Нельзя было отрицать, что это его немного поразило.

Каэдэ бросилась обратно внутрь. Почему она так спешит? Что-то происходит?

— Он вернулся! — услышал он ее слова.

Это звучало так, как будто она с кем-то разговаривала. Но у двери не было никакой другой обуви. А Каэдэ была слишком застенчивой. Если бы кто-то позвонил в домофон, а Сакуты не было дома, она бы включила автоответчик. Даже когда он был дома, самое большее, что она могла — это только наблюдать на расстоянии. Она никак не могла впустить кого-то будучи одна дома.

— Ты была права, Май!

Сакута сбросил ботинки и вошел в гостиную. Каэдэ разговаривала по телефону. Она держала трубку обеими руками, прижимая ее к уху. Естественно, он знал, с кем она сейчас разговаривает. В тот день Май ушла из школы после четвертого звонка. В тот день ей нужно было на одно шоу. Она, должно быть, уже закончила.

— Хорошо, я сейчас позову его.

Каэдэ протянула ему трубку.

— Май?

— С возвращением.

— Рад быть дома.

— Я наблюдала за тобой со своего балкона, но ты не поднял глаз.

— О? Только что?

— Ага.

— Аaaa, это все объясняет.

Вот почему Каэдэ стояла в дверях.

— Как дела у Каэдэ?

Он взглянул в ее сторону. Она — по какой-то причине с удовольствием наблюдала, как он разговаривает по телефону.

— Много улыбается. — Его ответ был очень буквальным.

— Хорошо. Рада это слышать. — В голосе Май звучало облегчение.

— Я рассказывала, что мне нужно было сниматься в шоу в студии, верно?

— Ага.

— Это было шоу на медицинскую тематику, и весь сегодняшний эпизод был посвящен стрессу, поэтому, когда мы закончили, я расспросила одного из экспертов о Каэде.

Сакута мог догадаться, почему они попросили Май принять участие в подобном шоу, учитывая недавние события. Освещение их отношений было интенсивным. Май смогла бы рассказать о стрессе, вызванном общественным вниманием, так сама непосредственно имела к этому отношение.

— Он сказал, что попытка сделать что-то новое, вероятно, поражает ее разум и тело.

— Я предполагал, да.

Она могла отвечать на звонки от кого-то, кроме Сакуты. Так оно и было, но Каэдэ вышла далеко за пределы своей зоны комфорта, чтобы это произошло. Даже если она хорошо справилась с этой задачей, ее сердце бешено колотилось. Тем не менее Каэдэ тяжело давалось с этим справиться. Она переживала всевозможные эмоции, которые других могли выбить из колеи на несколько дней. В случае с Каэдэ все было намного трагичнее.

Каэдэ поймала взгляд Сакуты в ее сторону, но она не могла слышать, что говорила Май. В ответ она бросила на него озадаченный взгляд.

— Тело и разум обычно восстанавливаются со временем, но он сказал, что в такой ситуации, как у Каэдэ, повторение действительно важно.

— О?

— Новый опыт становится гораздо менее новым, если вы делаете это снова и снова, верно? Как только это станет нормальной частью жизни, это больше не будет причиной для тревоги. Так

что лучше не останавливаться после первого раза.

— Так вот почему ты позвонила?

— Да, и я видела, как ты возвращался домой со своего балкона. Сначала думала сама устроить тебе какой-нибудь сюрприз, но...я подумала, что было бы неплохо попросить ее сделать вторую попытку, пока воспоминания об успехе в первый раз еще свежи. Она выглядит нормально?

Насколько он мог судить, она прекрасно проводила время. Сакута потянулся ко лбу. У нее все еще была температура, но она держалась весь день, так что это не было серьезным изменением. Сакута зажал телефон между ухом и плечом, взял руку Каэдэ и закатал рукав. Синяк, тянувшийся от локтя до запястья, все еще был там, но за последние несколько дней он постепенно исчезал.

— Теперь он почти исчез.

— Термометр, — вот все, что он сказал вслух.

Затем он изобразил, как зажимает один из них под мышкой.

— Поняла. — Каэдэ схватила термометр со столика поблизости и сунула его под пижаму.

— Насколько я могу судить, с ней все в порядке. Даже лучше, чем сегодня утром.

— Фух.

Каэдэ сделала все как показывал Сакута. Они подождали мгновение, а затем раздался звуковой сигнал. Она вытащила его и показала брату, как кошка, показывающая улов. Цифровой дисплей показывал 37,1. Все еще слегка выше нормы, но это самый низкий показатель, который у нее был за всю неделю. Поскольку последний телефонный звонок сразу же поднял ее температуру, это было гораздо более многообещающе. Она сделала это не один раз, а уже дважды — каждый успех усиливал и ослаблял беспокойство Каэдэ. Каждая победа постепенно закладывала фундамент для ее новообретенного мужества и уверенности. И чем больше у нее было успешных попыток, тем ближе они подходили к конечной цели Каэдэ — пойти в школу. Сакуте все равно хотелось в это верить.

Май помогла расширить его кругозор, рассеяв густой туман, который ослеплял его. Они все еще не могли видеть дорогу, уличные знаки или окружающий пейзаж, но, пристально глядя себе под ноги, он чувствовал, что они могут делать по одному шагу за раз.

Вот так Каэдэ двигалась вперед.

— Спасибо, Май, за то, что думаешь о ней.

— Не за что. Я частично несу за это ответственность.

Каэдэ хотела этого, но действия Май напрямую привели к этой лихорадке. Естественно, Май не могла оставить это просто так. Но это была еще не вся история. Любой, кто знал ситуацию Каэдэ, колебался бы, прежде чем даже предложить ей попрактиковаться в разговоре по телефону. И, увидев, как она страдает в результате этого, сделать следующий шаг будет еще сложнее. Большинство людей побоялись бы продолжать. Но Май решила связать себя с Каэдэ, полностью отдавая себе отчет в том, во что она ввязывается. Один этот факт радовал Сакуту, и ее помощь была настоящим источником утешения.

— Не дави на себя, Сакута.

— Мм? Ты о чем?

Он не ожидал, что она переложит это на него.

— Чрезмерная забота о Каэдэ может утомить тебя, — сказала Май.

— ...

— Попытка Каэдэ измениться, несомненно, хорошая идея, но, скорее всего, это будет не единственный раз, когда у нее начнется лихорадка. Я не думаю, что она пройдет через это невредимой. Видеть, как она проходит через это, может сказаться на тебе сильнее, чем если бы ты испытал подобные трудности сам.

Май действительно понимала это. Когда они с Нодокой поменялись телами, она тщательно избегала говорить слишком много, сохраняя правильную дистанцию — и это было доказательством того, что ее слова обоснованы. Если не было крайней необходимости вмешиваться, Май уважала желания Нодоки и наблюдала за ней на расстоянии. И все это несмотря на то, что она, должно быть, была глубоко встревожена. Независимо от того, как сильно она хотела что-то сказать, она решила сдерживаться, полагая, что так будет лучше для Нодоки.

— Со мной все будет в порядке, — сказал он.

— Ты уверен?

— Если станет трудно, я просто заставлю тебя побаловать меня.

— Ну, если это все, что нужно...

Он ожидал, что она разозлится на него, но, очевидно, она была согласна.

— В самом деле? Тебя это устраивает?

— Ты мой парень. Почему бы и нет?

В ее голосе звучали озорные нотки. Этот звук зашекетал ухо Сакуты.

— Вау, я хочу прямо сейчас.

— Нет. Я собираюсь принять ванну.

— Это просто заставляет меня хотеть прийти еще больше.

— Не сегодня. Я думаю, что у Каэдэ все равно есть для тебя еще новости.

— Она знает?

Это звучало так, как будто Каэдэ рассказала Май о чем-то.

— Ты должен услышать это от нее.

— Хм.

Он понятия не имел, что бы это могло быть.

— Так что спокойной ночи.

— Ах да, спокойной ночи, — сказал он чисто рефлекторно.

Она повесила трубку. Май отправилась наслаждаться ванной. Он на мгновение задумался об этом, а затем положил трубку обратно.

В тот момент, когда он это сделал...

— Сакута! Я сделала это! — Каэдэ наклонилась вперед, почти схватив его.

Она снова прижимала блокнот к груди.

— Это приятно слышать.

— Так и есть!

— Отлично, но... что ты сделала?

— Это!

Каэдэ завизжала и открыла блокнот, чтобы он мог его увидеть. Он последовательно прочитал список.

Переодеться в симпатичную одежду. (Мило — это жизненно важно!)

Короткий перерыв.

Двигаться к входной двери.

Короткий перерыв.

Надеть обувь.

Короткий перерыв.

Прижаться к спине братика.

Зарядиться его энергией.

Затем выйти на улицу вместе с Сакутой. Если я упаду в обморок, пусть Сакута занесет меня внутрь (в стиле принцессы!).

Он не был уверен, на какую часть ему следует отреагировать в первую очередь. По крайней мере, это явно была стратегия выхода на улицу, но... здесь было много чего.

— Я даже придумала запасной план на случай, если что-то пойдет не так!

— Мм, это важно.

— Очень!

Казалось весьма вероятным, что все закончится тем, что она окажется у него на руках как принцесса.

— Это прекрасно! — Сказала Каэдэ.

— Откуда взялась эта уверенность?

Это было вечной загадкой, но ему было приятно видеть ее такой целеустремленной. Помня об этом, он подавил любые протесты. Май только что говорила с ним о важности наблюдения за усилиями Каэдэ. Он видел здесь массу потенциальных проблем, но...

— Безупречная стратегия, — сказал он одобрительно.

— Безупречно!

В ее улыбке не было никаких признаков сомнения. Она была чиста и невинна. Глядя на эту улыбку, Сакута начал тихо обдумывать, как бы Май утешила его потом.

Часть 3

В следующую субботу лихорадка у Каэдэ наконец спала. Температура стабильно держалась планки 36.5 градусов. Синяк на ее руке тоже исчез. Благодать.

Первые три дня на этой неделе у Сакуты были промежуточные экзамены, поэтому в выходные Май помогала ему учиться. Когда она пришла, то принесла охапку старой одежды и превратила Каэдэ в свою собственную куклу-переодевалку.

Все это было частью грандиозного плана Каэдэ.

Первый шаг в ее записной книжке:

Переоденься в симпатичную одежду. (Мило — это жизненно важно!)

Май помогала воплотить это в реальность. Или, скорее, Май провела большую часть выходных, развлекаясь с Каэдэ, придумывая ей новый образ. Честно говоря, она не проводила достаточно времени с Сакутой. Даже если он пытался заговорить с ней, она просто говорила:

— Как я могу остановиться сейчас?

И когда она все-таки уделяла ему минутку, проверка его заданий все равно оставалась задачей второстепенной. Нодока пришла вместе с ней и, казалось, немного ревновала.

— Эээ, я бы тоже хотела примерить все ее старые вещи, — сказала она.

— Она тебе ничего не дает? — спросил Сакута.

— Не подошло бы. Я недостаточно высокая.

— Тоже не тот тип телосложения, — пробормотал он, хмуро глядя на математическую задачу.

— Ты снова что-то имеешь против моей груди?

— Разве нормальные парни могут что-то иметь против женской груди?

— Ты не обычный парень.

Справедливое замечание. Сакута говорил о ее сиськах, но он решил немного увести тему. Каэдэ тоже была чуть худее Май, но, поскольку она была почти такого же роста, большая часть одежды сидела довольно хорошо.

Этот выходной ознаменовался заметным превосходством женской силы резиденции Азусагава.

— Если ты застрял на этом, я могу помочь? — сказала Нодока, заглядывая ему через плечо.

— Май сказала, что научит меня.

— Сегодня она явно ничего не будет делать, кроме как наряжать Каэдэ.

— Думаю, я могу обойтись без тебя, Тоехама.

— Если ты собираешься так себя вести, я не буду помогать.

— Бессердечно.

— Я надеюсь, что ты провалишься.

— Ты добьешься только того, что это сильно расстроит Май.

Нодока сердито уставилась на него. Но через минуту она сказала:

— Воспользуйся этим.

Она взяла механический карандаш и ткнула в формулу в учебнике с таким выражением, как будто это было огромной болью для нее. Она также написала аналогичную задачу для него, чтобы попрактиковаться, и похвалила его, когда он все сделал правильно.

— Видишь, Сакута, ты можешь это сделать, если постарайся.

— Но разве это не относится ко всем?

— Тебе обязательно быть циничным во всем? Благодаря домашнему обучению от такого идола как я, ты сможешь ответить на все тесты.

— Спасибо, профессор Нодока.

Может быть, вся эта история имела какие-то преимущества. Пока он был занят сдачей экзаменов, Каэдэ начала носить эту одежду Май дома. Это было частью ее последней подготовки перед выходом на улицу. Большую часть времени она проводила в помещении в пижаме, поэтому сначала хотела привыкнуть к настоящей одежде. Это была мелочь, но был смысл устранять небольшие препятствия, подобные этому. Будучи в обычной одежде, Каэдэ чувствовала себя по-другому. У нее появилась красивая осанка, чем когда она ходила в пижаме с пандой. Как будто она всегда старалась теперь вести себя наилучшим образом.

После целого такого дня она сказала:

— Это было очень утомительно! — и быстро легла спать уже около восьми.

Но на следующее утро она снова принялась за дело, беспокоясь о том, что надеть в этот день, и явно наслаждаясь собой.

— Она дала тебе так много, что ты не можешь решить?

— Она дала мне очень много!

В комнате Каэдэ на вешалках определенно было множество новых вещей, которые он не узнавал. Сакута был тем, кто нес свертки с одеждой из квартиры Май в стиле Санта-Клауса, так что он знал, как много их было, но он не знал, что она сохранила их все.

— Нам лучше поблагодарить ее должным образом.

— Да! Я буду повторять ей снова и снова!

Май звонила Каэдэ почти каждый день, помогая ей привыкнуть к телефону. И Каэдэ использовала это, чтобы выразить свою благодарность.

— Май, большое тебе спасибо! Я действительно счастлива!

А потом наступил третий и последний день промежуточных экзаменов. Азусагава был хорошо подготовлен по каждому предмету. И Каэдэ была так же хорошо подготовлена к выходу на

улицу. Сакута предвидел это, но операция была начата уже в тот вечер, когда закончились его экзамены. Он вернулся домой с работы и обнаружил, что Каэдэ ждет его.

— Я бы хотела сейчас выйти на улицу, — сказала она.

Сакута снял один ботинок, но снова надел его. Он поставил свою сумку рядом со входом.

— Хорошо, вперед, — сказал он, не колеблясь ни секунды.

— Да! Давай!

Другого шанса не будет. Если она была готова, то не было причин упускать эту возможность. Это был лучший момент. И не имело значения что экзамены вымотали его или что он только что закончил смену и чувствовал себя довольно сонным.

— Первым шагом было переодеться в милую одежду, верно?

Каэдэ стояла на коврик у двери, прямо над местом для обуви. Он оглядел ее с ног до головы. На ней был один из нарядов, которые подарила ей Май. Платье с длинными рукавами и мягким изгибом. Натуральные цвета, но модный клетчатый узор на юбке длиной чуть ниже колен.

На голове Каэдэ была вязаная шапочка-ушанка. Он видел такие наряды только по телевизору. По-видимому, этот стиль назывался мори*. Он подумал, что это действительно хороший наряд для сдержанного характера Каэдэ.

[П\П: Мори – это японская субкультура, популяризирующая образ «девушки из леса» ценящей природу, неторопливый и созерцательный образ жизни, в общем юбки в пол и в клетку.]

— Я переоделась в милую одежду!

Похоже, ей это тоже нравилось.

— И ты сделала короткий перерыв?

— Я достаточно передохнула.

— Тогда следующий шаг — обувь.

Перейдя к следующему шагу в ее плане, он открыл шкаф для обуви. Сакута выбрал коричневую пару туфель, которая подходила бы к ее наряду, и поставил их перед ней. Каэдэ села на ступеньку и подобрала туфли. Это заняло у нее немного времени, и она успешно

смогла обуться.

Но когда она встала, то продолжила немного ерзать.

— Слишком туго?

Она уже давно не носила никакой обуви, так что была большая вероятность, что ее размер изменился.

— Просто как-то непривычно, — ответила ему сестра.

Каэдэ не выходила на улицу с тех пор, как они переехали сюда. Ношение обуви было бы новым ощущением. Она слегка развела руки в стороны и глубоко вздохнула. Раз, два, три подряд, а затем она посмотрела на Сакуту. Она была готова.

— Теперь я должна прижаться к твоей спине.

— Каким образом?

— Вот так! Прямо за тобой!

Она сделала цепкий жест.

— Понял.

На самом он не понял, но подумал, что, заставив ее объяснять дальше, ослабит ее энтузиазм. Это казалось чем-то вроде того, что можно понять, раз сделав.

Сакута повернулся спиной к Каэдэ. Как она и сказала, она подошла к нему сзади и обняла его крепко-крепко.

— Мы будем держаться так близко всю дорогу? — он спросил.

Такое чувство, что она собиралась чуть ли не положить его на лопатки.

— Всю дорогу.

Голос Каэдэ звучал приглушенно, она уткнулась лицом ему в спину. Услышал ли он в нем легкую дрожь? Ее грудь была прижата к его спине, и он определенно чувствовал, как колотится ее сердце. Оно явно билось намного быстрее, чем его собственное. Они стояли так,

не двигаясь, целых три минуты.

— Э-э, Каэдэ.

— Да?

— Это та часть, где ты заряжаешь энергией?

— Я на пятидесяти процентах.

— Сколько еще минут?

— Пять.

Она была очень тверда в этом вопросе. Казалось, лучше всего последовать ее примеру. Так он и стоял там, с прижавшейся к спине сестрой, еще пять минут. На полпути он не мог не задаться вопросом, что, черт возьми, он делает, но решил слишком не беспокоиться об этом. О некоторых вещах лучше не думать. Не успел он прогнать эти мысли из головы, как прошло уже пять минут.

— Каэдэ, как у нас дела?

— Е-еще пять минут.

— Если ты боишься, мы можем остановиться здесь и продолжить завтра.

Сакута чувствовал, что чем дольше они стояли здесь, тем сильнее ее трясло.

— Ты смогла обуть ботинки, так что мы могли бы назвать это успехом.

— Н-нет!

Ее голос дрожал, но она отказалась отступить. Поэтому в срочном порядке начала бороться со своими страхами.

— Мне страшно!

Он знал это. Вот почему он предложил стратегическое отступление.

— Я боюсь продолжать быть такой, какая я есть.

— ...

Хотя, может быть, он ошибался насчет того, почему она была напугана.

— Когда я думаю, что, возможно, никогда не изменюсь, меня накрывает отчаяние и ужас.

— Ах.

— Мне нравится быть дома! У меня нет проблем с тем, чтобы остаться здесь с Насуно. Выходить на улицу страшно. Очень страшно, но... невозможность вообще выйти на улицу еще более пугает.

Ее голос был хриплым, как будто она едва могла произносить слова.

— Да. Может быть, так оно и есть.

Все, что он мог сделать, это поверить ей. Он не собирался говорить ей, что понимает, что чувствует. Он не мог сказать это, но он знал, как вещи могут становиться все более пугающими, чем дольше ты избегаешь их. Он пытался убежать от своих собственных проблем и знал, что это только усугубляет ситуацию. Это была мелочь, но это было похоже на то специфическое беспокойство, которое возникает, когда бросаешь учебу прямо перед экзаменом. Не учиться, конечно, было легче, но это не означало, что заниматься другими делами на самом деле будет приятно, когда что-то надвигается в ближайшем будущем. И это только отдалено походило на переживания его сестры. Ее тревога была гораздо сильнее. И Каэдэ чувствовала себя так же, просто находясь дома. Это было причиной ее дрожи, ее учащенного пульса. Страх застрять вот так навсегда был мучительным. И единственным способом освободиться от этого было исполнить свое желание выйти на улицу.

— Каэдэ, я открываю дверь.

Он немного взял ситуацию в свои руки, но у него возникло ощущение, что Каэдэ сейчас нужен толчок.

— О-хорошо.

Она не остановила его. Не просила ждать. Он почувствовал, как подпрыгнуло ее сердце. Она так крепко прижималась к нему, что ее сердцебиение ощущалось как его собственное. Сакута и сам был довольно напряжен. Но он потянулся к дверной ручке, не останавливаясь. Он тихо повернул ручку и медленно толкнул дверь, открывая ее. Наружный воздух ворвался внутрь. Он был уверен, что Каэдэ тоже это почувствовала.

— Сделано.

— Значит, сейчас путь открыт.

Он все еще держал дверь открытой.

— Каэдэ, один вопрос.

— Хорошо.

— Ты что-нибудь видишь?

Судя по положению ее головы на его спине, она, вероятно, не могла видеть. Она была слишком близко. Он чувствовал тепло ее дыхания, так что, должно быть, она все еще глубоко прятала лицо.

— Мне так страшно, что мои глаза закрыты, так что я ничего не вижу.

— Хорошо, понял.

Тогда дело было даже не в положении головы. Если бы ее глаза были закрыты, она бы ничего не увидела. Каэдэ составила этот план, исходя из предположения, что ее глаза все время будут закрыты. Она была полностью уверена в этом.

— Тогда давай медленно двигаться вперед.

Чтобы выйти за дверь, им пришлось сделать небольшой шаг. Руки Каэдэ сжались, оттягивая его назад.

— С-Сакута.

— Что?

— Мы уже на улице?

— Все еще у двери.

Он сделал еще один маленький шаг. Ноги Каэдэ последовали за ним.

— Теперь мы на улице?

— Не совсем.

Он сделал еще один шаг. И она тоже. Ещё один. Ноги Каэдэ волочились вместе с ним. С каждым шагом, который они делали, ее ноги становились все тяжелее. Как будто она пыталась помешать ему идти дальше. Ее руки стали крепче, и она дрожала так сильно, что он тоже дрожал.

— Почти пришли, Каэдэ.

— П-подожди!

Ее дрожь становилась все сильнее. Никаких признаков того, что она утихает.

— Э-эм!

Он знал, что она собиралась сказать, еще до того, как она подумала об этом.

— Я—я не могу! Это слишком много. Я не могу сделать больше ни шага.

Ее трясло еще сильнее.

— Не волнуйся. Я тоже не собираюсь двигаться.

— Нам нужно остановиться. Я недостойна выходить на улицу, по крайней мере, еще десять лет!

— Я не думаю, что это займет десятилетие, но я думаю, что на сегодня мы сделали достаточно.

— Нет, я неудачница.

Она уткнулась лбом ему в спину.

— На сегодня тебе следует принять приятную расслабляющую ванну, и мы можем попробовать еще раз в другой день.

— Х-хорошо... — Ее голос звучал подавленно.

Он почувствовал, как ее тепло покинуло его спину. Мгновение спустя...

— П-подожди..., — сказала Каэдэ в замешательстве.

— Что? — спросил он, делая вид, что ничего не заметил.

— М-мы... — Она замолчала.

Каэдэ посмотрела вниз на свои ноги, а затем на Сакуту. Она оглянулась вокруг.

— Сакута, мы...

— Снаружи.

Да, Каэдэ уже была за дверью. Всего в одном шаге от этого. Дверь все еще была широко распахнута. Но Каэдэ стояла на своих собственных ногах, в нескольких дюймах от квартиры.

Это был несомненный факт.

— Ты обманул меня! — сказала она.

— Совсем немного.

Он использовал тот же принцип, когда кого-то учат кататься на велосипеде без тренировочных колес. Именно так она научилась ездить на велосипеде, когда была ребенком. Их отец держал велосипед вертикально, пока она не смогла удержать на нем равновесие, а Каэдэ продолжала повторять: «Не отпускай, не отпускай!», — а он продолжал повторять: «Я не буду, я не буду», — но он уже отпустил. И когда она остановилась, она рванулась вперед, даже не коснувшись его пальцем.

Это было так просто. Каэдэ была слишком робкой и склонна раздувать свои проблемы. Но Каэдэ могла выйти наружу до тех пор, пока не знала, что делает. У нее просто не хватило бы уверенности сделать это самой. И эта маленькая ложь помогла бы ей обрести эту уверенность.

— Я—я...

Она покачнулась и тяжело села. От удара у нее подкосились ноги. Ее лицо сморщилось, и она заплакала. Каэдэ взывала, как испуганный ребенок.

— Ой... Каэдэ?!

Сакута не ожидал этого, и это потрясло его.

— За что? — всхлипнула она.

— Извини, я не должен был лгать, — сказал он, присаживаясь на корточки.

Сакута погладил ее по волосам. Сестра обвила его руками.

— Аааа... ты... Сакута, ты просто...

— Да, мне очень жаль.

— Нет... нет ...

Она повторила это еще несколько раз, не в силах придумать никаких других слов.

— Нет, что?

Ее рыдания были почти похожи на икоту, но она попыталась сдержать слезы. Без особого успеха. Она не могла вымолвить ни слова.

— Я... хнык...

— Ну что?

— Я снаружи...

— Угу.

— Я так счастлива, что вышла на улицу. Хнык!

Новый поток слез вырвался из нее, Сакута же вытер нос, борясь с собственными слезами.

Часть 4

Следующие несколько дней были наполнены хорошими вещами. Сумев сделать один шаг наружу, два дня спустя Каэдэ успешно добралась до лифта, а четыре дня спустя — до парадных дверей здания.

Каждый новый успех на следующий день вызывал у нее лихорадку и свежие синяки на руках и ногах. Но Каэдэ приходила в себя после дневного отдыха, а затем с улыбкой объявляла, что

готова отправиться дальше.

Каждый шаг вперед помогал ей обрести уверенность в себе. Улыбка Каэдэ ясно давала это понять. Два дня назад они пошли к Май домой на ужин. Вчера они прошли весь путь до парка и обратно. Ничто из этого не было бы даже отдаленно возможным без сопровождения Сакуты, но теперь она шла сама по себе, глядя прямо перед собой. Незнакомцы все еще наводили ужас. Каждый раз проходя мимо соседей в холле и знакомцев на улице, она сильно напрягалась. Тем более если бы их глаза действительно встретились, ее бы наверно постигла истинная смерть. В обязательном порядке эти встречи всегда приводили к лихорадке и новым синякам. Так что Сакута не мог спокойно праздновать. Ситуация требовала тщательного наблюдения.

Но также было правдой и то, что Каэдэ хотела куда-нибудь выйти, и каждый раз ей удавались более длительные прогулки. Это было все, что требовалось, чтобы сделать Сакуту счастливым. Он понимал, что, возможно, слишком легкомыслен. Честно говоря, он был в таком настроении, что хотел бы, чтобы все вокруг чувствовали то же самое. И все это было из-за Каэдэ.

Пятница, 31 октября.

После окончания занятий Сакута заскочил в научную лабораторию, чтобы поделиться своей радостью. Он планировал предоставить Рио полный отчет о прогрессе Каэдэ, независимо от того, была она заинтересована или нет. Его монолог вышел на добрых десять минут, и наконец, первое, что сказала Рио, было...

— Азусагава, ты добавил комплекс сестры в свой список непристойных достижений.

— Вряд ли.

Этот термин глубоко ассоциировался в его сознании с кем-то другим. У Нодоки было более чем достаточно выражено, если не ходить вокруг да около.

— Для мальчика твоего возраста так много говорить о сестре, которая на два года младше, определенно один из признаков.

— Ты думаешь?

— Тот факт, что ты даже не осознаешь этого, является доказательством.

Рио вздохнула.

— Хотя обстоятельства делают это довольно неизбежным.

— Ага.

В конце концов, Каэдэ, вопреки всему, выходила на улицу. И по собственной воле в придачу. Она ставила цели, разрабатывала стратегии и воплощала их в жизнь. Каким бы он был братом, если бы не был рад за нее? Только демон или монстр мог чувствовать себя иначе.

— Так что, э-э... это хорошо для нее. Я это серьезно.

— Ты должна прийти. Она хотела бы снова тебя увидеть.

— Правда?

— Она сказала, что удивительно, сколько всего ты знаешь.

Во время летних каникул Рио остановилась у Сакуты на несколько дней, как раз в то время они и имели изрядное количество контактов с Каэдэ. Помогая ей учиться, Рио рассказал ей много интересных научных фактов.

— Тогда, если будет настроение, — сказала Рио, изображая полную отстраненность.

Но Сакута заметил, как в уголках ее губ появилась улыбка.

Рио все это время что-то писала на бумажном стикере. Закончив, она отклеила его и прилепила к панели, которая лежала на лабораторном столе.

— Выставка для фестиваля культуры?

Сегодня 31 октября. Фестиваль культуры был трехдневным выходным. Каждый класс изо всех сил старался подготовиться.

— Очевидно.

Панель размером с плакат представляла собой подробное описание результатов ее эксперимента. Она использовала стикеры в качестве заголовка.

— Положи это на заднюю полку, — сказала она.

— Понял.

Он встал, отнес его в заднюю часть и поставил там, где она сказала.

— Пять дюймов вправо.

Как требовательно.

— Поставь в центре...

— ...

Он поправил его.

— Достаточно хорошо, — сказала она.

Слегка рассердившись на нее, он вернулся на свое место.

— Спасибо, — сказала она и подвинула чашку кофе через лабораторный стол.

Обычная чашка кофе. Этого было более чем достаточно, чтобы заставить его забыть, почему он был раздражен еще секунду назад. Смочив горло горьким черным экстрактом, он оглядел лабораторию.

Вдоль всех стен было множество досок с прикрепленными на них отчетами об экспериментах, всего, может быть, двадцать. Рио была единственным членом Научного клуба, так что это был впечатляющий объем работы.

Он сказал то, о чем думал, но Рио просто ответила:

— Когда есть только один участник, потребность в результатах только возрастает.

Он и раньше слышал, что клуб постоянно находится на грани закрытия. Обычно в клубах требовалось минимум пять членов. Но Научный клуб был одним из тех ранее существовавших клубов, где число членов сократилось и теперь едва держалось.

— Люди приходят посмотреть на это?

Честно говоря, это не было похоже на то, к чему стремились старшеклассники. Тем более, не в разгар культурного праздника. Здесь пахло академией. И расположение научной лаборатории тоже было проблемой. Это было далеко по коридору, так что было бы трудно полагаться на случайное движение пешеходов.

— В прошлом году приходило несколько человек.

— Один из них — Куними?

— Он был единственным, кто прочел все отчеты.

— Иногда он меня поражает.

— Да?

— Все, что он делает, так чертовски очаровательно.

— С этим я не спору.

— Естественно.

— Но ты был тем, кто оставался дольше всех.

— Разве?

— Я знаю, что ты прекрасно все помнишь.

— ...

— Ну, в твоем случае это было больше похоже на то, что тебе больше некуда было идти.

Для кого-то, кто был подвергнут травле в своем классе, и у кого не было друзей, с которыми можно было бы гулять на культурном фестивале? По его мнению, образовательная практика должна быть более гибкой для студентов с различными социальными потребностями. Важно было научиться справляться с групповой работой и общественной деятельностью, но иногда лучший способ сотрудничать — это знать, когда лучше держаться подальше.

— Но ты с нетерпением ждешь культурный фестиваль в этом году, верно?

— Мм?

— У тебя есть Сакурадзима.

— Да, но это просто привлечет нежелательное внимание.

— После того, как ты пригласил ее на свидание перед всей школой, внезапно это стало проблемой? И после того, как она рассказала о ваших отношениях по телевизору? Я почему-то

думала, что тебе уже все равно.

— Однако эти фотографии были размытыми.

Не те, что в Сети, правда...

— Верно, если говорить о Сакурадзиме...

— Ты о чем?

— И поскольку ты имеешь дело с Каэдэ... Ты уже сказал Сакурадзиме?

Весь тон Рио изменился. Она мрачно смотрела на него сквозь ее оправу для очков. Ее беспокойство за него было ясно видно.

— По поводу чего?

— О Каэдэ. Вся эта история.

Вес, который она придала этим словам, ясно дал понять, что Рио имела в виду.

— ...

— Значит ты этого не сделал.

— Я подумал, что лучше оставить все так, как есть сейчас.

— Ну... может быть, ты и прав. Если бы она знала, она могла бы начать относиться к тебе по-другому.

— Май, вероятно, все равно вела бы себя естественно, но...

Май была профессиональной актрисой с многолетним опытом. Если бы она хотела солгать, Сакута никогда бы не раскусил ее.

— Я скажу ей, когда придет время.

— Ладно. Тогда мы оставим все как есть.

— Тем не менее, спасибо, что беспокоишься.

— Я не хочу, чтобы ты приходил ко мне, когда вы ссоритесь, вот и все.

Сакута рассмеялся, но он действительно не мог знать наверняка, шутит ли Рио.

Часть 5

С наступлением ноября температура быстро упала. Было такое чувство, что зима уже почти наступила. Теперь каждый студент был одет в зимнюю форму, а спортсмены тоже носили куртки от спортивных костюмов. Листья в парке не так давно были зелеными, но теперь они окрасились в осенние тона. Листья на чересчур пышных деревьях уже начала опадать на холодном ветру.

3 ноября. День культурного фестиваля.

Во и наступил день культурного фестиваля старшей школы Минегахара. Пришла Сёко из младших классов, и он показал ей школу.

— Вы действительно можете видеть океан из окон, — сказала она под впечатлением от увиденного. — Было бы здорово, если бы я могла быть здесь каждый день.

Последняя фраза вырвалась наружу и как стрела довольно сильно задела Сакуту. Он прекрасно знал, что у нее серьезное заболевание сердца. Врачи дали ей всего несколько лет жизни. Было не понятно, сможет ли она закончить среднюю школу.

— О, держу пари, на уроках я только бы и пялилась в окно, не замечая ничего вокруг.

Сёко рассмеялась. На ее лице не было и следа трагедии. Она представляла себя в старшей школе с искренней улыбкой.

— Это то, что я и делаю. Я никогда не слушаю учителей, и у меня все хорошо.

— Тебе действительно следует быть внимательнее, — сказала она, желая пожурить его как старшая сестра.

— Да, — сказал он. — Я знаю, в какой университет хочу поступить, так что мне пора приступить к работе.

— Правда? О... даже если я смогу сдать экзамен в Минегахару, ты уже выпустишься.

Она выглядела на мгновение удрученной.

— При условии, что я не останусь на второй год.

— С-Сакута! Ты должен закончить школу. — Она вдруг очень напряглась.

Должно быть, в ее голове это прозвучало не как шутка.

Он также провел некоторое время, гуляя с Май: они заглянули в дом с привидениями Томоэ и одноклассники фальшиво покричали там ради приличия, осмотрели выставки Рио и вообще скоротали время.

Томоэ беспокоилась о напряженной атмосфере в коллективе, но с помощью своих друзей им успешно удалось справиться с этим.

— Все еще есть некоторая напряженность, так что это временное решение, но...

— Все напряжение в моем классе сосредоточено только на мне, так что по сравнению с этим ты просто молодец.

— Звучит ужасно.

— Это только то, что сказала мне подружка Куними, когда они планировали свою барахолку.

— Ты действительно нечто, семпай.

— Я думаю, что единственная, кто достоин такой похвалы, — это девушка Куними. Нужно много мужества, чтобы сказать такие вещи кому-то в лицо.

— Удивительно, что ты можешь спровоцировать одноклассницу зайти так далеко.

Его словесная перепалка с Томоэ закончилась ничьей.

Единственное, что еще следует отметить, это то, что он попал в небольшую неприятность, связанную с конкурсом красоты, который спортивные клубы по очереди устраивали каждый год. Мероприятие, однако, ничем не отличалось от прошлогоднего.

А когда фестиваль пришел к своему логическому завершению, школа сразу же вернулась к нормальному состоянию, без заметных затяжных последствий. Через неделю никто даже не упомянул о культурном фестивале. Им было о чем поговорить. Это была эпоха, когда комиксы забывались за три месяца.

Сакута, как всегда, проводил время, помогая Каэдэ с ее тренировками. За десять дней ноября список достижений Каэдэ быстро пополнился. Она уже проделала весь путь до станции Эноден, Ишигами всего за день до этого. Станция Фудзисава была ближе, но они избегали ее — через эту станцию проходили три линии, и это было большое место, где всегда был огромный поток людей. Когда они смотрели, как поезд подъезжает к станции Ишигами, Каэдэ сказала:

— Если мы поедem на нем, сможем ли мы добраться до воды?

Казалось, она была взволнована такой перспективой.

— Мы можем.

— Я бы с удовольствием посмотрела на океан!

— Ты хочешь?

— С-сегодня я готова пока только отправиться обратно домой.

Ее глаза на мгновение встретились с глазами выходящего пассажира, и она внезапно схватила Сакуту за руку.

— Конечно.

Они повернули назад. Но Сакута был уверен, что Каэдэ скоро увидит океан.

И он был прав.

Шесть дней спустя. 16 ноября. Воскресенье. Солнечный день. Сакута и Каэдэ сели на поезд на станции Ишигами. Внутри было еще более пусто, чем он ожидал. Приближалась зима, так что, возможно, туристическое направление удалилось от Эносимы и близлежащих пляжей.

Они с Каэдэ нашли свободные места и сели. Даже сидя, она оставалась прикованной к его руке. Она внимательно следила за женщинами средних лет напротив них и группой студенток у двери, настороженных, как испуганное животное. Она случайно встретилась с кем-то взглядом и спросила Сакуту:

— Они думают я странная?

Он слышал этот вопрос почти каждый раз, когда они выходили на улицу. Каэдэ была очень обеспокоена тем, как она выглядела.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Но все продолжают бросать на нас эти странно теплые взгляды!

— Потому что ты цепляешься за мою руку, как коала.

— Но, если я отпущу тебя, я умру!

На отчаянную нотку в ее голосе невозможно было бы ответить шуткой. Она была абсолютно серьезна. Ее руки сжались, отказываясь отпустить его.

— Тогда просто позволь им тепло присматривать за тобой.

— Хорошо. Я думаю, тепло — это хорошо.

Поезд прибыл на станцию Эносима. Примерно половина пассажиров вышла, но столько же сели снова. Среди них была группа девочек младшего школьного возраста, одетых в униформу несмотря на то, что были выходные. Увидев их, Каэдэ вдвойне крепко обняла Сакуту за руку. Она съежилась, став совсем крошечной, не позволяя себе встречаться ни с кем взглядом. Казалось, у нее были особые проблемы, если это касалось девочек ее возраста. Они носили униформу и ходили в школу каждый день, но Каэдэ не могла себе этого позволить. Во всяком случае, пока нет.

Возможно, быть неспособным делать то, что могли все остальные, было труднее, чем он мог себе представить. Это было самое страшное, что она испытывала за весь день. Они сидели очень тихо, когда поезд остановился на станции Кошигое, а затем тронулся.

— Каэдэ, выгляни в окно.

Он указал вверх их плеч. Было бы пустой тратой времени не увидеть тот вид, который открывался на их пути.

— Точно стоит?

— Доверься мне.

Нервничая, Каэдэ обернулась и выглянула в окно.

Мгновение спустя поезд остановился, лавируя между рядами домов, и выехал на побережье. Каэдэ издала почти беззвучный вздох. Ее рот открылся шире, но не издал ни звука. Был солнечный день, и свет поблескивал на поверхности воды. А осеннее небо было невероятно

голубым. Линия, разделяющая море и небо мистически завораживала.

— О-океан, — пискнула она.

Ее рука крепче сжала рукав его рубашки. Не самое драматичное проявление эмоций, но явно прямо сейчас сквозь нее проходило огромное их количество. И она наслаждалась ими всеми. Молчание сделало ее реакцию намного более правдоподобной. Чем сильнее восхищение, тем дольше длится тишина. Иногда чувства в нас бывают выше любых слов. Очарованная видом океана, Каэдэ не отрывала от него глаз, до самой станции Шичиригахана. Ее глаза блестели так же ярко, как поверхность воды.

— Следи за остановками.

Только несколько человек вышли вместе с ними на той же остановке. Как только пляжный сезон закончился, мало кто из туристов приезжал сюда по выходным.

— Что это за запах? — спросила Каэдэ, моргая.

— Это морской бриз.

— У океана есть запах?

Они пересекли мост и направились к побережью. Они могли видеть простиравшуюся перед ними воду.

Сакута и Каэдэ спускались по пологому склону, держась за руки. Они оказались на шоссе 134. Это сияние вокруг казалось бесконечным.

— О! — сказала Каэдэ, заметив что-то.

На другой стороне улицы их кто-то ждал. Май только что поднималась по лестнице на пляж. Она помахала им рукой. Когда загорелся зеленый свет, Каэдэ отпустила руку Сакуты и подбежала к ней. Сакута неспеша последовал за ней.

— Ты села в поезд и добралась сюда? Хорошая работа, — сказала Май, погладив Каэдэ по волосам. — В качестве награды я приготовила немного обеда. Давайте поедим все вместе.

Май подняла корзину, которую держала в руке, чтобы показать Каэдэ.

— Ух ты! Но почему ты здесь? — спросила Каэдэ, склонив голову набок.

— Я хотела сходить с тобой на пляж, — объяснила Май.

Если бы они вместе ехали на поезде, Май привлекла бы массу внимания, поэтому они договорились встретиться на месте.

— Я рада, что ты здесь, Май!

Каэдэ взяла Май за руку, и они вместе спустились по лестнице.

— Хииии! — Белокурая девушка помахала им с пляжа внизу.

— Что, ты тоже здесь, Тоехама?

Сакута договорился с Май, но она не упомянула, что Нодока тоже будет с ними. Но иметь больше союзников определенно было выгодно. Так Каэдэ будет чувствовать себя в большей безопасности, поэтому он был рад, что она решила прийти. Май, должно быть, подумала так же. И Нодока согласилась пойти вместе

— Не то, чтобы она когда-либо отказывалась от приглашения от Май, — пробормотал Сакута себе под нос.

Комплекс сестры Нодоки никогда бы этого не допустил.

— Онигири на улице очень вкусный! — Сказала Каэдэ.

Они устроились на одеяле, наблюдая, как накатывают волны. Она улыбалась, хотя ее рот был полон риса. Картина счастья. Если бы его попросили нарисовать концепцию радости, это было бы именно так.

— Май делает лучшие онигири.

— Вообще-то я приготовила те, что с лососем, — сказала Нодока.

Сакута быстро проверил тот, что был у него в руке. Розовый лосось внутри. Но ему на самом деле не нужно было смотреть; вкус и текстура говорили сами за себя...

— Ах, я просто подумал, что этот был не очень...

— Тогда не ешь.

Нодока потянулась, чтобы забрать его у него, но он увернулся, запихивая остальное в рот. Он прожевывал минуту, а затем проглотил.

— ...

Нодока все это время хмурилась, смотря на него.

— Онигири невиновен, — объяснил он.

— Тебе вообще не страшно с ним, сестренка? У твоего парня больной характер.

Она явно отказалась от этой битвы и обращалась за помощью к Май.

— Когда Сакута так говорит, он просто хочет внимания, так что лучше всего игнорируй его

— О, это все объясняет.

Май хорошо понимала Сакуту.

— Ты видишь меня насквозь, Май, — неохотно признался он, но ветер унес его слова прочь.

Закончив есть, они построили замки из песка и помчались вдоль кромки прибоя, приводя в движение свое пищеварение.

Поскольку Май и Нодока обе уже были здесь, Каэдэ смогла расслабиться и наслаждаться жизнью. Ее голос повысился от волнения. И вот, когда пришло время уходить, они столкнулись с проблемой.

— О нет! — Сказала Каэдэ.

Она сидела на одеяле, глядя на него снизу вверх, нахмутив брови в полной растерянности.

— Мм? Что? Я думаю...

— Что?

— Я так устала.

— О...

— Я не думаю, что смогу идти.

— Ты на самом деле не слишком много тренируешься, да?

У нее не было способа развить выносливость. Она слишком долго сидела взаперти, не в силах выйти.

— И что теперь?

Однодневная поездка закончится только по возвращению домой.

— Что нам делать? — спросила Каэдэ.

Сакута придумал только один выход из ситуации.

— Хочешь прокатиться?

— На спине, — сказала она, серьезно кивнув.

— Ты серьезно?

— Я абсолютно уверена.

Он пошутил, но у Каэдэ серьезно, казалось, не было сил стоять. Плюс, блеск в ее глазах говорил о том, что она была одержима желанием получить поездку на спине домой. Он чувствовал, что в принципе в силах донести ее до станции Шичиригахана, поэтому опустился на колени спиной к ней.

— Забирайся.

— Ура!

Ее руки обвились вокруг него.

— Поднимаю.

Он поднял ее, держа за ноги. Май наблюдала за всем этим, качая головой. Нодока, казалось, была впечатлена по совершенно непонятным причинам.

— Ух ты. И у кого сейчас на самом деле комплекс сестры, а? — спросила она, убедившись, что он все прекрасно слышит.

Он притворился, что ничего не заметил, и пошел вверх по пляжу. Из-за веса Каэдэ идти по песку было еще труднее. Каждый раз, когда он двигал ногой вперед, другая нога глубоко погружалась в песок. Это оказалось сложнее, чем он ожидал. Май беззаботно шла рядом с ним.

— Сакута, — сказала она.

— Мм?

— Каково это — флиртовать со своей сестрой, пока твоя девушка смотрит?

[П\П: Что-то эти бабы в конец воду мутят уже и ерундой страдают, он просто родной сестре помог.]

— Неловко.

Май ткнула его в щеку. Жестокий удар для мальчика, пытающегося кого-то нести. И так как он был вынужден держать обе руки под Каэдэ, он даже не мог отбиться от Май.

Но ему удалось добраться до основания лестницы. Неустойчивые точки опоры на пляже были ужасны, но именно здесь начались его настоящие проблемы. Чтобы попасть на станцию, ему пришлось подняться по этой лестнице. И когда он ступил на полусыпанную первую ступеньку, сверху донесся удивленный голос.

— Хм? Кай?

Сакута рефлекторно поднял глаза. Девушка стояла примерно двадцатью ступеньками выше, на полпути вниз. Ее рот широко открыт.

— Ты ее знаешь? — спросила Нодока, реагируя первой.

Май что-то прошептала ей — она тоже встречала эту девушку. У ворот Минегахары. Они немного поговорили. Кто-то из другой жизни. Ее звали Котоми Кано. И глаза Котоми смотрели поверх плеча Сакуты — прямо на Каэдэ.

— Кай, — снова сказала она.

То же самое имя, которым она всегда пользовалась.

—

Каэдэ не ответила. Но она соскользнула со спины Сакуты. Он чувствовал напряжение в ее дыхании на своей спине. Ее руки вцепились в ткань его рубашки.

— Кай?

Каэдэ вздрогнула. Котоми озадаченно уставилась на нее. В ее глазах читался вопрос — почему она так реагирует?

— Это я, — сказала Котоми, прижимая руку к груди, словно пытаюсь прогнать неуверенность.

Ее глаза умоляли о каком-нибудь знаке. Но то, что вышло из Каэдэ, было, вероятно, последним, чего она ожидала.

— Кто она такая? — спросила Каэдэ.

Она продолжала прятаться за Сакутой, она была слишком напугана.

— ..?!

Котоми была потрясена. Ее глаза затрепетали. Ее губы дрожали. Она попыталась заговорить, но ничего не вышло.

— П-прости, я не..., — прошептала Каэдэ.

— Это я! Котоми Кано! Кай... ты не помнишь ...

Котоми наклонилась вперед, будто в предвкушении.

— Мне жаль, — сказала Каэдэ.

Вот и все. Он знал, что это произойдет, если они встретятся. Вот почему он не советовал этого делать. Он знал, что это будет тяжело для Котоми.

— ...

Котоми больше ничего не сказала. Что тут было сказать? Правда заставила ее пошатнуться. Она явно не могла понять, что происходит. Ее лицо исказилось от страха. Каэдэ тоже замолчала. Теперь она была полностью скрыта за Сакутой.

— Что происходит?

Простой вопрос, вполне уместный. Май наблюдала за всем этим молча, но, очевидно, решила, что об этом нужно спросить. Он медленно повернулся к ней.

— ...

Котоми ждала с мрачным видом. Он знал, что однажды ему придется это объяснить. Сакута просто не думал, что это будет сегодня. Но он был готов к этому. Он сделал глубокий вдох, а сказал правду, достаточно громко, чтобы все услышали:

— У Каэдэ нет воспоминаний.

Его голос перекрывал шум морского бриза.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1698827>